

Череп

Белеет в сумраке перед Марией Магдалиной
Череп, свеча догорает... И не пробуй угадать
Кто, её любимых, пил из этой кости.
Не один век размышляет, но всё неизменно.
И песок заснул на часах, она видела,
Чувствовала на плечах прикосновение Его руки,
Промолвив на рассвете «Раб Божий».
А я собираю сны черепа, не помнящий себя,
Необузданный, влюблённый, страдающий в саду
Под тёмным окном, не веря, для меня ли
Или для другого тайна её блаженства.
В упоении клянусь... Мало их помнят,
И только та минута длится, не отзывается,
Что почти была по ту сторону.

Правило

Только не признание.
Именно жизнь так меня достала, что нет слов

Рассказать о ней.
И беды мои, а сколько их!
На улицах городов шатающихся, полусознательных
Или пьяных,
На проказу памяти блюющих и виновных
В сем бытие.
Как мне удержаться?
Стыдно, что в горечи не живописен?
Не так упёртый?
Не моден в стенаниях, в горьком детстве, в травме
И так далее.
Даже когда созреешь до роковой жалобы, лучше
Замолчать,
Похвалить неизменный порядок речи.
Нет, иного мне нельзя говорить.
Кто терпит, тот повинен быть правдивым около
Тех,
Кто перелицован, смешон и жалостен перед собой.
Ложь учится по лживой строке.
Рискованно ценен вкус
Запаха криницы и колоколов.

Встреча

Ехали до света по замёршим полям,
Крыло зари поднималось, ещё ночь.
И вдруг пробежал заяц перед нами,
И один из нас показал его рукой...
То было давно. Сегодня уже не живёт
Ни заяц, ни тот, кто его указал.
Мои любимые, где же вы, куда течёт
Блеск руки, линия бега, шорох земли —
Не вопроса жаль, а раздумий.

Счастье

Какая теплынь! В розовом заливе
Сосновых мачт отдыхает линь –
Сумрак утра. Там, где в водах моря
Зачинается струя, под мостом, звук флейты.
Далее под дугой древних развалин
Видны маленькие фигурки,
Одна в красной косынке. То дерево,
Башни и горы в раннем часе.

Вальс

Как только колыхнётся зеркало вальса
И потянется свет, рассекая зал,
Ты увидишь, дрогнет подсвечников масса,
И закружится в вихре блестящий бал.
И плывёт в розовом яблоневои цвете,
Тая в себе подсвечников тёплых круг,
Широко в неистовом крестном размёте
Холод плеч и посверк белых плеч и рук.
А глаза в упоении чуть закрыты,
Платья прозрачны, обласканы летом,
Жемчуг и перья волнением обвиты,
И шёпот, и просьбы, и качка, и ритм.

